

Заклубилась над землей серо-коричневая пыль и вмиг заволокла собой небо. На село опустилась крошечная тьма. Полил сильный дождь. Когда все стихло и на землю вернулся день, первое, что заметили люди, — это хлопья оранжевой пены на дождевых лужах. Ровно через три дня словно гром среди ясного неба раскололось над Святском страшное слово «Чернобыль», и жители окамнели от догадки, что та самая оранжевая пена как раз и есть радиация.

— Никакая это не радиация, — поспешили нас успокоить брянские санврачи. — Это всего-навсего выпавшая с дождем цветочная пыльца.

«Пыльца!» Первые же замеры гамма-фона, сделанные в Святске 4 мая самими жителями, показали здесь 20 и более миллирентген в час — это в тысячу раз выше допустимого уровня.

Попытка получить хоть какую-то информацию о Чернобыле результата не дала.

— Что вы там панику сеете? — у районных властей на все вопросы с мест, похоже, был готов ответ. — Лучше бы севом яровых занимались!

А ведь власти уже в последние числа апреля расплавали первой информацией о сложившейся в западных районах Брянщины экологической обстановке. Знали, что гамма-фон накануне Первомай превышал норму в сотни раз, но скрыли от народа правду о Чернобыле.

Жизнь у нас шла по такому сценарию, как будто ничего не случилось. Под знаком монолитного единства партии и народа, как писали местные газеты, прошла первомайская демонстрация в городе Новозыбкове — в то время как она проходила уже под знаком беды и невидимым дождем сыпались на головы трудящихся чернобыльские изотопы. Лучше других в первые дни мая, как сообщало областное радио, вели полевые работы новозыбковские земледельцы — тогда как эти самые земледельцы в конце смены слезали с посевных агрегатов почти без сил и пьяные от радиации. Малыши сельского детства под художественным руководством воспитательницы нестройно, но искренне пели в своей песочнице: «Мы желаем счастья вам, счастья в этом мире большом...», а сами в это время уже сидели по уши в радиации.

Не рисковал учитель Николай Горев и фельдшер Николай Иволга замерить тайком гамма-фон в селе, нас еще долго водили бы за нос, обвиняя в паникерстве и подгоняя с севом яровых, и мы знать не знали бы, какой еще, помимо ярового, это время шло на наших полях сев.

Каким же был, я не перестаю думать, гамма-фон вечером 27 апреля сразу после дождя? Если принять во внимание, что у йода-131 период полураспада составляет восемь суток (а этого йода оказалось такое количество, что он окрасил пену в лужах в оранжевый цвет) и выпадение его отделили на вторые сутки после взрыва ядерного реактора в Чернобыле, то уровень радиации в тот день был, надо полагать, куда выше, чем удалось тайком зарегистрировать неделей позже. Сколько же рентген хватил каждый житель за то время, пока местные власти утверждали, что никакой в селе радиации нет?

С кем в Святске ни поговоришь, все жалуются на головную боль, жжение в груди, быструю утомляемость. Те, кто трудится в поле, говорят, что их хватало только на полдня работы — после обеда они уже неработники: сил почти нет, сами как во хмелю. Больше всего достается тем, кто работает на сенокосах, там гамма-фон такой, что выходишь оттуда, держась за стены.

Гамма-фон в селе по-прежнему измеряется целыми миллирентгенами, а власти заявляют, что при такой радиации жить безопасно. Власти действуют так, как диктуют правительственная комиссия и Минздрав СССР: «засекретить сведения об уровне радиационного загрязнения по отдельным населенным пунктам, превышающим допустимые уровни», «засекретить сведения о заболеваемости», «засекретить сведения о результатах лечения».

И только в конце мая по настоянию медики объявляют о срочной эвакуации из Святска школьников младших классов и матерей с малолетними детьми на лето в пионерские лагеря и дома отдыха в чистые районы области. Что тут началось! Суета, паника, слезы — ну все равно как война. Село словно онемело без детских голосов. Жутко слушать эту тишину.

Святск переводят на молоко из чистых районов — местное употреблено строго запрещено. В нем столько цезия, что продукт в доме держать опасно.

«Наслушавшись, насмотрившись всего — жить не хочется», — говорит соседка Рая Горева. У нее трое детей — и все теперь вдали от

дома. Своя корова на дворе, а сами без молока сидят.

Мечутся люди, одурев от радиации, и куда ни сунуться — везде они «под прицелом» Чернобыля.

Новым потрясением стала для жителей реквизиция личного скота. Проводилась она по решению облисполкома — дабы исключить загрязнение населением «грязного» молока от своих коров. Свести корову со двора — для крестьянина что нож в сердце. Но что поделаешь! Повелели хозяйки — кто со слезами, кто с причитаниями — своих кормилиц на поводке в колхоз.

Всей правды об экологической ситуации в Святске мы до сих пор так и не знаем. С надеждой прислушиваемся к болрым заверениям выезжающих к нам время от времени всевозможных комиссий из Москвы. Но видим-то мы совсем другое. Гораздо чаще стали болеть дети. Случаются обмороки, кровь носом идет. Ребяточки постоянно жалуются на головную боль. Поэтому, собираясь утром в школу, вместе с учебниками кладут в портфель болеутоляющие таблетки. Матери с ног сбивается возить детей в поликлиники Новозыбкова и Брянска.

Наша жизнь в зоне — сплошные запреты: в лес не пойдешь, в речке не искупаешься, то не ешь, то не пей... Село во все времена кормило государство, теперь же все наоборот: государство кормит село. Люди уже забыли, что такое «свойское» молоко, «свойское» мясо — местные продукты в пищу не годятся. Так что перебиваемся в основном на привозных. Всем, кто живет в зоне, выплачивают жалкие гроши — вроде компенсации за то, что мы лишены возможности пользоваться продукцией со своих подворий. Народ называет эти деньги «гробовыми» — так они обжигают душу. Тем, кто работает, приплачивают к зарплате до 100 процентов, только и от них радости никакой. Прямо на наших глазах рушится вековой уклад крестьянской жизни, да и сама жизнь как таковая поставлена под угрозу. Что будет с нами, что будет с селом?

Через три с половиной года после Чернобыля в Святск приехала правительственная комиссия и объявила свой «приговор»: село наше в числе 31 населенного пункта области, где невозможно обеспечить условия безопасного проживания, подлежит отселению.

Как же власть все эти годы морочила нам голову! Сначала заявляла, что никакой в Святске радиации нет. Когда же обман вскрылся, она, глазом не моргнув, стала заверять нас в том, что при такой радиации, как в селе, можно не опасаться за свое здоровье. Теперь выясняется, что жить в Святске невозможно и нас требуется срочно отселить.

— Куда же вы собираетесь нас переселить? — интересуются жители.

Отселиться людям некуда: земля для них нигде не достоянно. — А вы спешите с родственниками, знакомыми, — советуют члены комиссии. — Может, они помогут вам подыскать где работу и устроиться с жильем.

«Спишитесь», «подыщите»? Расчет на то, что жители помыкают, помыкают в зоне и сами разбегутся кт куда. Короче говоря, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Среди примет, по которым безошибочно определяешь, что ты в зоне бедствия, сегодня едва ли не самая горестная — картина исхода людей из родных мест. Гонимые ветром беды, несутся по дорогам Брянщины (все равно куда, лишь бы подальше от радиации!) груженные домашним скарбом автомашины. Пустеют и умирают деревни и села, где еще совсем недавно бушевала жизнь и все кругом, казалось, дышало вечностью.

Вот и мои соседи Горевы собираются переезжать куда-то за Почеп — с утра, смотрю, во дворе грузится машина. Все самое громоздкое — мебель, холодильник, газовая плита — уже погружено. Пристроены корзины, вилы, грабли... Нашлось в кухне место и для ведра с выкопанной чумной чайной розой: никогда не цвет так пышно, как нынче, и хозяйке жалко оставлять его тут. Больно Горевым покидать родной Святск (да разве они когда думали, что им в жизни выпадет такое!) — но страх за судьбу детей сильнее этой боли. С невыразимой печалью смотрят на сборы Горевых к отъезду сбившиеся в кучку у ворот одиночные старушки. Вот съедут скоро молодые семьи — кто тогда поможет пенсионерам вспахать огород или дров на зиму заготовить, кто заслонит от непогоды? Куда поступаться за помощью — в пустые дома, что ли? Стоят старушки у ворот, слезы утирают.

— Хоть бы поскорее умереть, — таким видит выход Анна Степановна Воробьева. — А то разведется народ, и некому будет меня похоронить.

...Провозгласив первоочередной задачей обязательное отселение

РАСПАД

Как в святских окнах потух свет моей малой родины

С печальной памяти весны 1986-го, когда взорвался ядерный реактор в Чернобыле, я, сам не отдавая в том себе отчета, делал кое-какие пометки в блокнотах и только теперь, собрав их вместе, понял, что я все эти годы, оказывается, вел дневник чернобыльской трагедии, которая занулась для меня целиком на судьбе родного села Святск, находящегося в ста сорока километрах от ЧАЭС.

Перечитывая свои блокноты и будто заново проживая все пережитое.

из зоны жесткого радиационного режима семей с детьми до 14 лет с предоставлением жилья на новых местах обитания, правительство самым как бы разделило Святск на молодых и старых и бросило последних, по сути, на произвол судьбы.

Корень всех бед зоны мы привычно ищем в самой чернобыльской катастрофе, в то время как искать его надо еще и в крушении иных морали. Сегодняшние старики, лучшие годы жизни отдавшие безропотно «за палочки» труду в колхозах, теперь, оказывается, никому не нужны, их время прошло, они — отработанный человеческий материал, так следует понимать? Не исключено, что когда состарятся те, кто сегодня молод, и случится, не дай Бог, какая беда, их также где-нибудь бросят.

— Как быть, куда податься? — горестно рассуждает в окружении старух ветеран войны и труда Илья Иванович Самоиленко, растерянно разводит руками и прямо кричит на всю улицу: — Неужели то, что мы на фронте воевали и в колхозе работали, нам на старости дней не зачлось?

Доволялся, доработался мужик — вон уже криком кричит от обиды.

Сейчас в связи с отселением молодых семей на чистые территории происходит тихая «окупация» зоны преступными элементами. Среда обитания для них здесь, если не брать во внимание радиацию, а они ее и не берут, вполне благоприятная: никакой власти, ни крепких мужиков, готовых постоять за свою деревню, ни милиции. Приходила недавно к нам в магазин за хлебом бабка Бульбаниха из соседнего белорусского поселка Пенное (она там одна осталась) и рассказывала:

— Какие-то хлопцы в нашей веске объявились, заняли пустые хаты и там живут. А как стемнеет, так садятся на краденых коней и всю ночь бандиты! Надо убраться. А не то, чего доброго, и убьют.

— Вот, девки, поглядите, — говорит старушка продавщица Любовь Ульяновна Соломыкина, — скоро эти бандиты за нас возьмутся.

Сказала так, к слову, а вышло, как в сук влепла. В ночь под Благовещение на дом пенсионерки Веры Фадеевны Кечено было совершено разбойное нападение. Бандиты ломом вышибли дверь, этим же ломом оглоушили хозяйку и похи-

тили две самые богатые в домашнем иконостасе старообрядческие иконы XVII-XIX веков — Георгия Победоносца и Николая Святителя. Как Вера Фадеевна при шести швах на голове и большой потере крови тогда только выжила — одному Богу ведомо.

Долго после этого случая святские старушки не решались ночевать дома в одиночку — прихватив самые дорогие иконы, сбивались, что ни вечер, в стайку под чьей-либо крышей, полагая, что так, вместе, они могут еще постоять за себя и своих святых. Со временем, правда, им надоело слоняться по чужим углам — ночуют опять в своих хатах, но каждая держит теперь под рукой топор.

— Раз милиция не обороняет, самим надо защищаться.

У Василия Лаврентьевича Ерошенко на лацкане пиджака орден Отечественной войны II степени с облупившейся эмалью — за подбитый в 1944-м под Жлобином немецкий танк.

— У меня, брат, три топора!

— Почему три?

— Так в моей хате три окна, — объясняет он диспозицию. — Стало быть, по топору на каждое окно. Пусть теперь кто только попробует сунуться!

Что ж, бывшему фронтовику смелости не занимать.

Летом жить в Святске еще не так страшно — ночи о такую пору с воровбиной сном и светлыми. А вот каково тут придется людям зимой, когда растянутся на целую вечность вечера и ночи!

Наш Святск для властей как бельмо на глазу: столько им с этим селом хлопот привалило! Людей надо куда-то отселить, а жилья для них нет. Кое-что, конечно, строятся. Летом 1990 года в селе Усох Трубчевского района, например, построили 30 квартир. Их сразу же отдали семьям с детьми, но на всех не хватило. Темпы сооружения жилья в чистых районах области особых надежд на скорое отселение не порождают.

Люди, конечно, жалуются куда только можно. Комиссии разные, в том числе из Москвы, к нам то и дело наезжают. Есть у комиссии такой анкетирование: если нечем утешить народ, то срочно организуется анкетирование — куда хотел бы переселиться. Вроде как забота. В Святске, начиная с 1988 года, трижды проводилось такое анкетирова-

ние — и все без проку. Люди потеряли веру.

— Куда бабушка хотела бы переселиться? — спрашивает девушка с анкетой.

— К своим, голубушка, на кладбище, — в сердцах отвечает бабушка. Летом 1991-го, как в наемнику, опять затеяли опрос, четвертый по счету: куда бабушка хотела бы переселиться?

— Идите, детки, своей дорогой. Нам и без ваших вопросов тошно жить на свете, — и перестали пускаться на порог.

Вышел я вечером под Крещение на улицу и остолбенел — по всему горизонту на белорусской стороне, над селом Старое Закрыжье и поселком Пенное, гуляют сплошью пожара. Первое, что подумалось: жива ли в своем Пенном, если не бежала, бабка Бульбаниха и не ее ли это там сейчас полыхает хата. Глядя на такой пейзаж, трудно отделаться от мысли, что и нашему Святску скоро придет черед гореть.

Райисполком просто не знает, как ему дальше быть со Святском. Правильнее село вместе со всеми оставшимися там жителями сквозь землю, райисполком, так думаю, только бы вздохнул: никаких теперь жалоб, никаких забот с отселением. А то ведь святские старики вон уже что удумали — требуют учредить в селе постоянный милицейский пост для охраны их жизни и имущества.

Самая ситуация в зоне понуждает жителей требовать от властей именно такой меры. Волосы дыбом встают от того, что творится сейчас кругом. Бандиты ломаются в дома, отбирают у стариков пенсии, убивают людей, устраивают поджоги. Последние обитатели обезлюдевших деревень в страхе бросают родные хаты и бегут в большие села и райцентры, к людям просить защиты и крова.

Слышу, как председатель райисполкома Александр Миненко ведет разговор с нашими пенсионерами, и настораживаюсь. Вот, мол, разведутся специалисты — кто вам исправит свет, починит водопровод; закроют больницу — кто вас будет лечить, а нагрянут бандиты — кто вас будет защищать... И так далее и тому подобное. Даже разбой, что творится в округе, выводит, властям на руку: манипулируя эмоциональным состоянием людей, они вынуждают затравленный радиацией и бандитизмом святс-

кий народ броситься враспышу.

Нет бы просто сказать: ищите сами новое место, мы хоть и власть, а помочь не в силах. Святские старики, привыкшие надеяться только на себя, эту правду приняли бы. Надо съезжать — только вот куда? Они и в молодости — от детей, от работы, от скотины — не больно-то по стране раскатывали. Так что новых мест себе не присматривали. Но привычная жизнь канула в Лету, и уже кое-кто всерьез подумывает: а не перебраться ли на жительство в свой райцентр, в Новозыбков? Там, в городе, мол, много народу, там милиция, там больница, наша, говорят, скоро закроется...

Взяли-таки Святск на испуг: одна старушка напугала себе в городе домик, другая сторговала хатку — так, друг за другом, и потянулся народ в райцентр. Получают страховку за свой дом в селе, добавляют к ней то, что скопили себе на похороны, и на эти деньги приобретают жилье в городе.

Ладно бы, думаю я, святские пенсионеры таким вот образом спалились от радиации — так ничуть нет. Они просто из радиации перебегают в радиацию. Разбор плотности радиоактивного загрязнения в Новозыбкове между 16 и 40 юри на квадратный километр, и жить там совсем небезопасно. Неспеша же новозыбковцы сотнями покидают свой город и так легко теперь там купить дом. В общем, попали наши старики, как говорится, из огня да в полымя!

Между тем обстановка в Святске, где остались бедовать около двухсот старых людей, складывается хоть кару кричи. В третий раз ограблена наша старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы. Можно сказать, прямо на глазах государства, под табличкой над паперцей «Памятник деревянной архитектуры охраняется государством», разворовывается культурное наследие народа. Матьер Божия, Казанская Богородица, Скорбящая, Тростручница, Николай Чудотворец — я перечисляю только те иконы, которые хорошо помню. А образов в храме было больше сотни. Словом, из Святска выносятся всех святых.

Преступный мир, уверовав в свою безнаказанность, буквально парализовал жизнь в селе. Совсем недавно сторепа аптека. Было отмечено несколько поджогов домов и сараев. Хорошо, люди вовремя спохватились, погасили огонь, а не то посела могло бы выгореть.

— Всею ночью не смыкаю глаз: сижу одетая и боюсь уснуть, — плакалась мне бывшая колхозная ударница Клавдия Егоровна Челищева. — Заснешь — и не учуешь, как спалит вместе с домом.

Вот такой выдалась у святских стариков осень жизни. Построй, я так думаю, новое село на чистом месте, создай там качество жизни не хуже того, что люди имели у себя до беды, пересели туда всех, молодых и старых — никаких проблем со Святском не было бы. Бездарная же наша политика переселения, без учета принципа компактного проживания, полностью разрушила складывавшуюся веками человеческую общность, какую являл собой Святск. Ветер беды разгнал святский люд по 30 селам, поселкам, деревням Брянщины, по 10 областям России, по 4 республикам бывшего СССР.

Такое, с позволения сказать, переселение привело не только к социальному отчуждению молодого населения от населения пожилого, оставшегося в зоне бедствия. Разрушение живых человеческих связей сделало и тех, кто съехал, и тех, кто остался в Святске, одинаково несчастными. Но если последних еще как-то согревает чувство родного угла, то что сказать про тех, кого бедность сорвала с родного гнезда и унесла в чужие края? Сплоная хватив переселенческого «счастья» в чистых районах (неустроенность новых мест обитания, бездушие властей из зоны бедствия, социальный антагонизм между местным населением и переселенцами), они как перекати-поле носятся по стране в поисках лучшего пристанища и никак не могут его найти. Глядя на таких вот горемык-односельчан, кого никак не прибить к берегу, некоторые из тех, кто остался в Святске, отказались даже от самой мысли о переселении, решив доживать свой век — пусть и в радиации! — на родной стороне.

Среди порушенного Чернобылем, терзаемого бандитами и мародерами села вдруг то там, то тут встают, как привидения, столбы печных дымок в зимнем небе — теплится еще в Святске кое-какая жизнь. Десять лет назад, до Чернобыля, в селе проживали 675 человек. Остались 12.

— Молодость нашу опалила война, — рассуждает бывшая учительница Вера Петровна Мартыненко. — А старость наша посыпана чернобыльским пеплом.

Чувством горькой безысходнос-

ти наполнено все их сегодняшнее житье-бытье. Где тонко, там и рвется: то выходит из строя водопровод — и они по два-три дня, а то, бывает, и неделю сидят без воды. То прерывается подача электроэнергии — и они остаются без света и воды. То...

Кто-то не выдерживает такой жизни и покидает Святск. Вот, смотрю, Бондаревы собрались перебраться в Новозыбков, где приглядели себе домик. Перед воротами висится гора домашнего скраба — скоро за ним прибудет машина. Стоит хозяйка Евдокия Петровна на фоне опустевшего родного гнезда — стынут на осеннем ветру руки, стынют душа, стынют слезы.

— Здесь родилась, здесь всю жизнь прожила, а помирять надо ехать на чужую сторонушку. Дай государство тем, кто сейчас прозябает в Святске, по квартире где-то в более безопасных местах, многие, наверное, и согласились бы на отселение, потому что жить в селе стало невозможно. Так в том-то и вся беда, что не даст, и неизвестно, даст ли вообще. Недавно приезжали в Святск руководители райадминистрации, выслушали жалобы стариков и заявили:

— Квартир для вас пока не предвидится — скорее всего, придется вам тут жить и дальше.

Самая жизнь наводит на жуткую мысль, что успех программы отселения оставшихся в Святске стариков областная и районная администрация, похоже, в большей мере связывают с естественным переселением самих пострадавших в мир иной.

...Вот похоронили восьмидесятилетнюю Клавдию Илларионовну Мосягину. Бандиты, отобрав пенсию, убили хозяйку, облили соляркой и сожгли. Так, глядишь, скоро злодеи переубьют всех до одного жителей Святска — и проблема с их отселением будет решена окончательно...

«Как же тут дальше жить да быть? — обратились старики к Правительству. — Где искать защиты от бандитов и мародеров? И кто же в конце концов решит нашу главную проблему — переселение в безопасное для жизни место?» Ну написали они письмо в Москву — и чего же добились? Письмо это вскоре вернулось в райадминистрацию, которая за подписью ее главы В. Анищенко ответила святским подписантам: «Переселить вас в текущем году в город Новозыбков не представляется возможным из-за отсутствия финансирования на строительство жилья». А в это самое время, как потом станет известно, районная власть под разговоры об отсутствии финансирования тихо, поворовски, за счет средств федерального бюджета, выделенных как раз на сооружение жилья для переселения жителей Святска, сумела выстроить себе в том же Новозыбкове целый городок из коттеджей полезной площадью свыше 130 кв. м каждый.

— Сколько же нам тут еще мучиться?! — захлебываясь слезами от обиды, сказала, обращаясь к обладателю одного из тех самых коттеджей, главе района В. Анищенко, 80-летняя жительница Святска Арина Федоровна Мельведькова, подписавшаяся под письмом в Москву. — Раз мы никому не нужны, так вы посадите нас всех на один железный лист и трактором оттащите на кладбище в одну могилу.

Сказала это с отчаяния, но не больше, чем к слову, а вышло так, что предугадала скорую развязку святской трагедии. Как-то вдруг затропились наши старики в лучший мир. Одного убили бандиты. Другой ночью в пургу залупал среди заросших быльем святских пустырей и замерз в сугробе. Третий после налета бандитов на его дом со страху бежал в соседнюю Белоруссию и там вскоре помер. Четвертый... Да и те, кто дожил до переезда в Новозыбков, после всего пережитого в Святске на этом свете не задержались.

С отъездом последних обитателей Святска был окончательно разрушен и сожжен вместе со своей церковью Успения.

Когда случается заскочить в Святск, я всякий раз цепеню при виде царского здесь теперь запустения. Ни одной живой души за весь день на улицах не встретишь, ни одного уцелевшего дома не увидишь — сплошь руины да пепелища, над которыми, словно сполохи, вздымаются пурпурно-розовые соцветия иван-чая, неизменного спутника пожарнич и пустырей.

Первое время после катастрофы на ЧАЭС я еще жил смутной надеждой на чудо, что с годами все обрывается, станет на свои места и никто не потухнет для меня в святских окнах свет моей родины...

Мог ли я когда подумать, что мне суждено пережить мое село!

Анатолий ВОРОБЬЕВ